

СТИХОТВОРЕНИЯ
ИННЫ ЛИСНЯНСКОЙ

Стихотворения
Инны Лиснянской
На опушке сна

Ardis, Ann Arbor

Inna Lisnyanskaya, Stikhotvoreniia. Na opushke sna
Copyright ©1984 by Ardis Publishers
All rights reserved under International and Pan-American
Copyright Conventions.
Printed in the United States of America

Ardis Publishers
2901 Heatherway
Ann Arbor, Michigan 48104

ISBN 0-88233-990-7
ISBN 0-88233-991-5 (pbk.)

Photograph from the Ardis Archives, Moscow, 1983

ПРЯМОЙ УГОЛ

ГОСТЬ

Мгновенье звякнуло, и ложка
Затихла, звякнув о стакан,
И легкий пар ушел в окошко,
А в кухню заглянул туман.

Неповоротливый, как вечность,
Он гарью города пропах
И, демонстрируя беспечность,
Держал окурочек в зубах.

А может быть, звезда дымилась
Над рваной ватною губой. . .
Но гость любой — сегодня милость,
Ниспосланная мне судьбой.

И я едва дыша словами,
Сказала: милости прошу,
А чтобы вам не стать слезами,
Я все конфорки погашу.

Покурим вместе, если можно, —
Курить тоскливо одному, —
И пепельницу осторожно
Я пододвинула к нему.

1980

КИРПИЧНАЯ СТЕНА

Был в гостях неизвестно кто,
Говорил неизвестно что,
Я-то думала лишь про то,
Почему он не снял пальто,

Я-то думала лишь о том,
Что построен глупо наш дом,
Что окно с наружной стеной
Образует угол прямой,
Что из комнаты мне видна
Лишь кирпичная та стена.

Был в гостях неизвестно кто,
Говорил неизвестно что,
А потом он в окно полез
И в кирпичной стене исчез.

1983

Я не знала прежде никогда,
А теперь узнала эту новость,
Что сухою может быть вода
И что пламя холоднее льда,
И что наша память — это совесть.

Потеряла память я впотьмах, —
Собственное имя, год и город,
И мужчину с дочкой на руках. . .
Воду пью, — но сухо на губах,
Трогаю огонь, — но в пальцах холод.

1977

Гляжу вперед — и вижу все, что было,
Смотрю назад — не вижу ничего,
Ни жутковатой жизни кочевой,
Ни городской оседлости унылой.

А впереди — спасительная ложь —
Пространства нет, есть только перекресток,
Где я, старуха, женщина, подросток,
Смеюсь, едва перемогая дрожь,
Когда меня ты за руку берешь,

И вижу я: собрались воедино,
Сосредоточились в лице одном
Всех позабытых лица и личины —
Все города сошлись в один Содом!
Нет времени, а есть пиры и казни!
Нет совести, но есть пятно на ней!

Смотреть вперед — нет памяти опасней,
Корить тебя — нет слабости напрасней,
Казнить себя — нет гордости страшней!

1978

Над ореховой рамой
Света желтого пучок,
А в стекле чернеет яма —
Мой коричневый зрачок.

Мне в него смотреть не надо
Ни в какие времена,
Там — от рая и до ада —
Вся судьба погребена.

Свален в кучу мир наружный —
Люди, звезды, города,
Обескровленная дружба,
Обветшалая вражда.

1978

На излете лет,
На изломе дня
Мой закатный бред
Вытолкнул меня

К плоским берегам,
К перистой волне,
К солнечным пескам
При большой луне.

Там лоза вилась
По всему двору,
Там я родилась,
Там я не умру.

1983

Там цвели вдоль моря олеандры, —
Розовая тень ушла в песок, —
Ударяли голосом Кассандры
Волны в парапет, наискосок.

Не она ли, плача, прорицала,
Что взойдет кровавая звезда,
Что на север тронутся с вокзала
Зарешеченные поезда,

Что в одном из них уйдет в потемки,
В шахту, в мерзлоту, за Енисей,
Инженер по нефтеперегонке,
Дядя мой, курчавый Моисей,

И что брат от брата отречется:
С проработки мой отец вернется,
Повернет в двух скважинах ключи,
И альбом семейный захлебнется
Керосином в кафельной печи,

Что бытылку из-под керосина
Бабушка к груди своей прижмет,
Будто убаюкивая сына,
И внезапно влажно запоет. . .

1976

На Ленинградском я живу проспекте,
Где выхлопной отравы поволока,
Где мысли то о жизни, то о смерти
Прносятся, как транспорт в два потока.

И вижу: неизбежно столкновенье,
Авария, ведущая к развязке. . .
Будь проклято кассандрово прозренье,
Которое я предаю огласке.

1983

Гудит, как шмель, электробритва.
Ты здесь, ты — рядом. Наконец
Услышана моя молитва,
Да поздно. Мне уже венец

Плетет из проволоки жгучей,
Плетет и до поры молчит
Тот самый странный русский случай,
Который нас и разлучит.

1980

В эфире — глушилка, в квартире — бедлам.
К чему нам усталость делить пополам?

Не слишком ли поздно пришел ты ко мне? —
Полмира обуглилось в черном окне.

И только глушилка, как сердце мое,
Еще заглушает себя самое.

К чему нам известья из тьмы мировой?
Транзистор разбей, а гитару настрой,

Гитару настрой и по струнам ударь
Да так, чтобы числа забыл календарь.

1982

Как странно думать, что на главной площади,
В родильных и в смиренных домах,
В смиренных, куда меня вы прочите,
Одно и то же время на часах.

И я твержу вам, точно заведенная:
Кто прав всегда, тот никогда не прав,
И мечется душа уединенная,
От времени всеобщего устав.

В испарине мой лоб и щеки впалые,
И на погибель мне и возглас мой:
Ах, судьи мои злые, дети малые,
Задумайтесь над собственной судьбой!

Рот закушу до самой черной алости,
Мое молчание — моя броня.
Не мучайте меня, — умру от жалости,
Мне жалко вас, не мучайте меня.

1982

ПАЛАЧ

Люби меня, палач!
Я для тебя подарок:
Нежнее воска плащ
И шея, как огарок, —

Не толще свечки той,
Что мать твоя держала,
Склоняясь над тобой
Поправить одеяло.

Ты ей на радость рос.
Как дети всей округи,
Ты спал, держа вразброс
Младенческие руки.

Ну кто бы думать мог,
Что сей сосуд скудельный
Забыл заполнить Бог
Хотя бы колыбельной.

Ты пел бы мне ее
Перед моей кончиной,
Прикрыв лицо свое
Рукою, как личиной.

Ты пел бы мне: — Не плачь,
Уснуть навеки сладко,
Я для тебя палач,
Ты для меня — загадка.

1982

Мне говорил, что я пришла оттуда,
Сама того не ведая, что я, —
Случайный отблеск неземного чуда
И отзвук неземного бытия.

И спрашивал, шутя, что я слыхала,
Когда еще была на небесах,
Какие там молитвы я слагала,
И что лежало на моих весах,
Каким дышала я стихотвореньем,
Какую на челе несла печать?

Но мир вооружил меня терпеньем, —
Улыбкой на насмешку отвечать.

Но голова моя, как плод, качалась, —
Была улыбка слишком тяжела,
И все во мне небесное кончалось,
Хоть, может, я и вправду там была. . .

1967

Высмейте! Высмеивать меня —
Дело плевое,
Головы в ответ не наклоня,
Не промолвлю слова я,

Не зардеюсь гневом, не вспылю
В беззащитности.
Я — мишень для тех, кого люблю
В трудной бытности.

Утром луч сойдет в квадрат окна
Горечь вылакать.
Жизнь мою не высмеять до дна,
Смерть — не выплакать.

1983

ПЫЛЕСОС

Какое несчастье, что я научилась смеяться!
Как быть и что делать — уже не задам я вопроса,
С тахты поднимаюсь, когда начинает смеркаться,
И движусь по миру, держась за кишку пылесоса.

Гуди и заглатывай все, что незримо и зримо,
И совесть, и память, и грифель толченый и пудру,
Отрепья сознания и струпья отпавшего грима:
Все это уже ни к чему мировому абсурду!

Заглатывай косточку яблока — весточку рая!
Какая потеха — вечерняя наша морока, —
В единое нечто разрозненное собираем
В том хаосе, где и пылинка — и та одинока!

Своей насыщаться работой — не это ль порядок?
Гуди, пылесос, и заглатывай свежую пищу:
Засохшие бабочки, хлопья истлевших тетрадок
И пепел табачный, и пепел того пепелища,
Где я научилась смеяться. . .

1979

Что ни денек — то мотылек
Летит на алчущий алтарь.
Ты плачешь? Плакать вышел срок,
Возьми да по столу ударь!

Разлей вино, разбей стекло,
Хоть что-нибудь разбей, разлей!
Похмелье жизни тяжело,
Но эти слезы тяжелей.

Мой собутыльник, друг и брат,
Преодолей хоть что-нибудь! . . .
Горит восход, горит закат,
Садится бабочка на грудь.

1979

Не чувствую давно, не мыслю, не рифмую
Ни местных новостей, ни тамошних вестей.
Я перестала быть, я рыбу фарширую,
Я перестала быть, я созвала гостей.

От юшки и вина стол золотисто светел.
Воздали рыбе дань, хозяйшке — хвалу,
А то, что нет меня, никто и не заметил, —
Еще бы! Я верчусь и подаю к столу.

Читает гость стихи о милиционере,
В одическом горшке сварганив низкий жанр, —
Всем весело, а мне нужны по крайней мере,
Как рыбине в сачке, движенья сильных жабр.

Я перестала быть. Но рано утром встану,
Чтоб как-нибудь попасть в столичный „Океан”,
В продаже карп живой, и я его достану,
И всех я обзвоню, и каждый будет зван.

Кастриюлю устелю кожуркою от лука, —
Блестящ его навар, как солнце в серебре,
И вряд ли кто поймет, что нет во мне ни звука
И что справляю я поминки по себе.

1983

Зачем сегодня, в листопад,
Когда деревьям так тревожно,
Ты покидаешь этот сад?
Нет, это просто невозможно!

Любое дерево сейчас
Напоминает стихотворца,
Не знающего всякий раз,
Что вдохновение вернется,

Что повторится все опять
От вздоха первого и шага.
Нужна и дереву отвага
Свое молчанье переждать.

1968

Ты прав. Я, возможно, поэт.
Но видишь, работа какая!
Сизифу иду я вослед,
Тяжелую тачку толкая.

То ль камни в ней, то ли слова —
Но я дотолкаю до цели,
И градины сброшу со лба —
Я — дока в сизифовом деле.

1983

„То ли на Пушкинском, то ли на Звездном
бульваре”

Б. К.

. . .Еще один голос из-за океана,
Твой голос, доверчивый мой прозелит!
Конечно, Россия — та самая рана,
Которая в климате чуждом болит.

А что до свободы, она, как сирена
К себе зазывает. . . Не хочешь — умри!
А что до меня, навещу непременно
Твой Звездный бульвар и твои фонари.

И так им скажу: ваш собрат темноглазый
Без вас занемог и целует ваш свет.
(Поди ж дотянулся! Теперь и okazji,
Как будто мы в разных галактиках, нет).

Здесь связи тесней, чем соцветья сирени,
Но как холодеет душа на юру!
А что до меня, монреальской сирене
Не веря, в привычной неволе умру.

1983

Гений, дитяtko, глупышка,
Научи меня мечтать,
Жизнь как будто бы пустышку,
Улыбаючись, жевать.

На столе бледнеет роза,
На стекле горит мороз. . .
Все-то счастье виртуоза
В том, что он не виртуоз.

Вот и смотрим бесконечно
Друг на друга день-деньской, —
Ты пустышку за колечко
Держишь сонною рукой, —

И мерещится, что это
Парашютное кольцо,
И нырнем мы в бездну света,
И зацепимся мы где-то
За родное деревцо.

1974

Да, такое времечко,
Да, такие птички!
Что ж пора, евреечка,
Складывать вещички.

А в какую сторону
Кривая поведет, —
Знать не надо ворону,
Он пепла не клюет.

1973

Нищает дух не от того ли,
Что мы иной желаем доли,

Что жизнью вечно не сыта
Ночная хищница-мечта?

Прикинувшись звездой заветной,
С пути сбивая незаметно,

Высасывая свет из нас,
Горит ее совиный глаз,

И под недвижным желтым глазом
Мы медленно теряем разум,

И, чувствуя блаженный страх,
Трепещем в розовых когтях.

1977

И в дому тревожен дух мой нищий,
И тревожен в толпах городских.
Мне спокойно только на кладбище
Средь могил знакомых и чужих.

Пахнет лаком новая ограда,
Старая — в объятиях плюща.
Только здесь я думаю, что надо
Дерзко жить и гибнуть не робща.

Только здесь я понимаю птаху —
Вот она отчетливо поет,
Не спеша рассказывает праху,
Где и как душа его живет.

1982

Марии Петровых

Вот книга твоя предо мною лежит —
И вижу твое лицо.
Вот время твое предо мною бежит
И свертывается в кольцо

Березы, под коей без снадобий спишь,
В колечко от табака, —
Так, значит проснулась, и, значит, дымишь
За чаем наверняка.

Давно ли я в двери звонила, а тут
Стучусь я в створку ствола:
— Впусти меня, милая, на пять минут,
Я книгу твою принесла! —

И вижу: зажегся в березе глазок,
И слышу: скрипит кора:
— Мне надо бы выправить несколько строк,
Да нет под рукой пера. —

— Впусти! Я тебе принесла и перо. —
— Чужое? Что делать с чужим? —
. . . Замкнулось березовое серебро
И стало подобьем твоим.

1983

В МИНУТУ СЛАБОСТИ

Я вырвалась из общего котла,
Из-под чугунной крышки воспарила.
Несчастливая! Мне разве плохо было
Вариться в темноте и духоте?

Я вырвалась из общего числа,
Расталкивая маленькие числа,
И в одиноком воздухе повисла.
А разве плохо было в тесноте?

— Назад, назад — в котел добра и зла!
Назад — в число! Нет, дорогая, дудки!
Не шутят на Руси такие шутки,
А шутят — повисают в пустоте.

1982

Опять я слезы жалкие утерла
И проглотила гневную слезу,
И, обмотав простудливое горло,
Твоей хозяйке валенки везу.

Подрагивает пригородный знобко,
Жизнь утопает в солнце и в снегу,
И то ожесточаюсь я, то робко
Я за тебя молюсь и сердце жгу.

Но все короче свет моей лампы,
И все слабей толчки ее огня, —
В моем смиренье не ищи улады,
Во смерть себе не убивай меня!

Легко ли быть мне у раба в неволе!
И, вдруг покинув утренний вагон,
Иду в снега, и оставляю в поле
Два черных валенка, как двух ворон. . .

1978

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Но прости-прощай,
Хлебом не стращай,
Я ведь шла не для
Твоего рубля,

Я ведь шла к тебе,
Как судьба к судьбе,
Как к добру добро,
Как к ребру ребро,
Как к крылу крыло,
Да не приросло
К одиночеству
Одиночество.

1975

Окно венец кленовый носит
И власяницу из дождя,
И ничего оно не просит,
В мои владения входя.
А смотрит в ад глазами рая, —
Вот в эту самую тетрадь,
Где ни во что я не играя,
Жизнь умудрилась проиграть.

1980

Что делать? — спросила у Жизни, — сказала: умри!
Что делать? — спросила у Смерти, — сказала: живи!

Чтоб что-нибудь делать, в духовке сушу сухари,
А дождь за окном, как мерцающий трепет в крови.

То ангел меня посещает, а то — сатана,
И каждый выходит из зеркала против окна,

И только себя я не вижу в стекле никогда,
А время течет, как течет дождевая вода.

Я ангелу плачусь, но тут же приходит другой,
Меж нами я воздух крещу обожженной рукой.

Мне кажется, ночь — это уголь сгоревшей зари,
А это сгорели в духовке мои сухари.

1982

В. Б.

Простят мне Ваши птицы и котята.
Я им нужна, а людям не нужна.
За это ль я сама собой распята
На крестовине зимнего окна?

К своим ладоням притянула гвозди
Зрачком магнитным, и они вошли
По шляпку в мякоть и пробили кости
Насквозь, и солью алой расцвели.

Но почему не ощущаю боли,
А только гладкость крашенных досок,
А только радость ненасытной воли
И на губах — не уксус, а ледок.

Мне напоследок снег дает напиток,
На утихающих устах скрипит,
И лишь душа — котенок или птица —
Все медлит и никак не отлетит.

1983

Легко летать, когда в крови крыло,
Легко и петь, когда в налетах горло.
Судьба меня к такой стене приперла,
Что боль всем обстоятельствам назло
Исчезла, — мне безумно повезло.

Мне повезло, а ветру не везет,
Несется он в кровавых пятнах клена
И лбом о стенку бьется иступленно, —
Нечаянный убивец-сумасброд
Решает сам себя пустить в расход.

Он — сам себя. А я ли не сама
Решила жить — на мне чужой нет крови.
Но кто об этом ведать может, кроме
Того, кому подвластны свет и тьма,
Но не подвластны воля и тюрьма.

От ветра — лист прилипший к кирпичу,
И вот и все. А я свой быт латаю,
Как ласточка слюною, и летаю
Вдоль стенки, и скрипичному ключу
Приоткрываю все, о чем молчу,
Как правило.

1983

Летало и пело. . .
А что это было,
Не вспомнило тело,
Душа позабыла.
Но даже не вспомнив, но даже забыв,
Творю я почти что языческий миф

О том, что светилось,
Над миром летая,
О том, что отбилось
От облачной стаи
И слезы роняло, крыло накренья,
И жить на земле оставляло меня,

Где жить не умею,
Не жить ужасаюсь,
Запомнить не смею,
Забывать не решаюсь.

1979

БОЖЬИ КОРОВКИ

Не дом у меня, а Эдем,
А яблок я вовсе не ем, —

С тех пор они так вздоржали,
Что я раскошелюсь едва ли.

Своим безоплатным трудам
С утра предается Адам,

Печатает сны под копирку,
А я принимаюсь за стирку,

Уборку, готовку еды. . .
Когда облетают сады,

Приходят к нам божьи коровки.
Днем вижу я их на коробке

Свободной теперь наконец
От бус, от серег и колец.

А вечером наши жилицы —
Закатного солнца крупницы —

В мою заползают тетрадь, —
Хотят что ли буквами стать,

Чтоб стали слова мои тоже
На божьих коровок похожи.

1983

Такая неделя! Как-будто нет внешнего мира.
В дому, как в Эдеме, — не это ли внутренний мир?
Все вещи в ладу, — и брезгливая грелка Глафира
На чайнике сидя, не судит недельный кефир.

Такой угомон, что и книги не спорят ночами —
Толстой с Достоевским, и вкрик сам с собой
Мандельштам.

Так было, я знаю, я помню, так было в начале,
Пока не поддался моим уговорам Адам.

Нет этого яблока горше, судьбы нет капризней, —
Запретно счастливою быть мне и несколько дней.
Такая неделя! Но только возрадуюсь жизни,
Как что-то дурное случается с жизнью моей.

1983

Столько дней мой мальчик жил,
Сколько мир Господь творил,
На седьмом закате
В розовой палате
Умер мой сынок.

Это было так давно.
Голубь залетел в окно,
Говорят, что это
Вечности примета —
Белый голубок.

1983

Еще не вечер, но уже не утро, —
Закатный дождь. И честно говоря,
Пора нам быть или не быть, но мудро:
Как тот моллюск в дому из перламутра
Или пчела в гробу из янтаря,

Или освоить опыт оптимистов —
Не замечать, как этот час неистов,
Не слышать перебоев и частот,
А сравнивать с мерцаньем аметистов
Дождя мерцанье и наоборот.

На что нам знать, что жив Иеремия
И что мерцательная аритмия
Во Времени, в Пространстве и в узле,
Где сходятся все токи кровяные.
На что нам знать, что будет на земле?!

Да и к чему нам знать о том, что было?
Зачем тревожить памяти могилу, —
Там за пластом — второй и третий пласт. . .
Незнание дает такую силу,
Какую нам ничто уже не даст.

1980

Ночью — бессоница, днем — гололедица,
Желтый ледок.

Ночью заходит Большая Медведица
На огонек.

И до зари у журнального столика
Тесно сидим,
Тихо страницами дряхлого сонника
Мы шелестим.

Нам-то, бессонным, его толкования,
Нам-то к чему?
Но недоступные опыту знания
В радость уму.

1983

ДНИ

**Зачем, опершись о порог,
Часа эдак три иль четыре
Трет замшевой тряпкой сапог
Тишайший сосед по квартире?**

**Зачем в коммунальном аду,
Где все наши песенки спеты,
Выкрикивает какаду
Название центральной газеты?**

**Зачем тугодум-управдом,
На восемь настроив будильник
И спрятав его в холодильник,
В шкафу удавился стенном?**

**Как сны, обрываются дни,
Но есть жесточайший порядок
И в том, что безумны они,
И в том, что они без загадок.**

1972

КВАРТИРАНТКА

Недели две жила в подъезде псина:
Ни лая, ни движенья, ничего, —
Одни глаза, светясь невыносимо,
Живое выдавали существо.

Изгнанницы тоска была во взгляде —
Собачьей жизни злая полоса.
Не хлеба ради, — нет, не хлеба ради
Глядели умоляюще глаза.

О как она ко мне просилась в гости, —
Дескать, своей тоской мою измерь!
А я ей выносила суп да кости
И виновато запирала дверь.

Прости меня, бездомная дворняга,
Я приняла б тебя со всей душой.
Но что могу? Я тоже бедолага —
До времени под крышею чужой.

1972

Я и смертью буду обездолена.
Такова изгойская печать.
Ни за что не будет мне дозволено
На любимом кладбище лежать.

Что ж, прощай, родное Переделкино!
Мне угла хозяйка не сдает,
А в соседский дом — в жилище белкино
Норовит переселиться крот.

Что ж, прощайте, колокол и кладбище,
Сад крестов, кириллица камней,
Кладбище, похожее на пастбище,
Пастырем ласкаемых теней.

1983

Всем, кто нынче в пути, всем, кто завтра — в пути,
Да и звуку, который не почат,
Я хотела бы в жертву себя принести,
Но никто этой жертвы не хочет,

Даже те, с чьих подметок счищала я грязь,
На кого втихомолку молилась,
Даже тот, к чьим стопам припадаю, смеясь,
Чью вину воспеваю, как милость.

Помогли бы отечественные жрецы,
Да алтарь моей крови не алчет,
Потому, что я хуже последней овцы —
И никто обо мне не заплачет.

1982

Так печальны у нас обстоятельства,
Что по зеркалу я садану, —
Там застыло в глазах обязательство
Говорить только правду одну.

А кому эта правда помощница?
Не спасет никого и никак,
Умный выслушает и поморщится,
И задумчиво сплюнет дурак.

Оба правы. От правды нет прибыли,
Море крови под ней пролегло.
Как еще до сих пор мне не выбили
Оба глаза и это стекло?

Что мне стоит самой с ним расправиться?
Взмах — и вдребезги! — Сущий пустяк. . .
Только сердце мое окровавится,
Только сердце. . . а не кулак.

1983

Видишь, сама я себе западня:
Людам кричу среди белого дня, —
Вот она я — унижайте меня!
Вот она я — распинайте меня!

Черного крику мне хватит на три
Не петушиных — вороньих зари.
Будут не в колокола звонари
Бить, а в сияющие фонари.

Я, заклеянная жгучей виной,
Я, в ожиданьи расправ надо мной,
Буду толочь под кирпичной стеной
Стекла фонарные голый ступней.

Боже, о чем я тебе говорю?
Это в бреду я три ночи горю,
Колокола раскачали зарю. . .
Боже, о чем я Тебе говорю?

1983

НА ОПУШКЕ СНА

ВОДОЛЕЙ

Никогда ни о чем не жалею,
Никогда ничего не изменится. . .
Лей слезу, голубой Водолей,
На голодную зимнюю мельницу!

Я, твоя лунатичная дочь,
Буду в поле поземку толочь,
Буду вьюгу месить привокзальную, —
Пролегла пешеходная ночь
Через всю мою жизнь поминальную.

Перед небом ничем не гордясь,
Погружаюсь в дорожную грязь,
Самолет — совершенство излишнее, —
Что дала нам воздушная связь?
Чем стремительней, тем неподвижнее.

В мимоходной толпе облаков
Встречу тени друзей и врагов,
И потоком сознания подхвачена,
Я под легкие звоны подков,
И под клетоты колоколов,
И под всхлипы души околпаченной
Обойду все родные места
От бакинской лозы до креста
На лесистой московской окраине,
Наша память о жизни — мечта,
Наша память о смерти — раскаянье.

Водолей, голубая бутылка,
Память, мельница, жатва обильная, —
Из-под жернова белая пыль,
То ль мука, то ли известь могильная.

1978

Ангел мой! — иначе как назвать?
Ангел мой! — иначе как восславить
Жизнь твою и эту благодать
Жить тобой, не лгать и не лукавить.

Снег смахну с твоих усталых ног
И снежинку — с поседелой брови.
Только б ты однажды не продрог
От моей пылающей любви.

1983

Две тучки на небе маются,
Тоскуют или больны. . .
Как плохо, что сны сбываются, —
Мне снятся дурные сны.

Мне снится: ты мой возлюбленный,
Ты будишь меня чуть свет,
А я головой отрубленной
Киваю тебе в ответ,

А ели седыми патлами
Трясут, хоть прошла зима,
А лес перестукан дятлами,
Как будто бы лес — тюрьма.

1983

Разлетелся дым,
Разметалась тьма. . .
Тот, кто мной любим,
Тот — моя тюрьма.

От свободы он
Жизнь мою упас:
Каждый взгляд — закон,
Каждый жест — указ,

Вздых его — упрек,
Поощренье — смех.
Слово поперек
Мне и молвить грех.

Но, чужой, не смей
И не смей, родня,
Из тюрьмы моей
Вызволять меня!

1983

Возьми меня, Господи, вместо него,
А его на земле оставь!
Я легкомысленное существо,
И Ты меня в ад отправь.

Пускай он еще поживет на земле,
Пускай попытает судьбу,
Мне легче купаться в кипящей смоле,
Чем выть на его гробу!

Молю, Тебя, Господи, слезно молю:
Останови мою кровь,
Хотя бы за то, что его люблю
Сильней, чем Твою любовь.

1978

Транзистор. Самогон. Веретено.
Начало марта. Хвойное предместье.
Стучится, как предвербное предвестье,
То ль полудождь, то ль полуснег в окно.

Мария, Марфа, Лазарь и Мессия, —
Их четверо, но это — вся Россия,

Но есть и пятый — нигилист Фома,
Он там, где ностальгическая тьма, —

Он, расщепляя русскую причину,
Пожизненную схлопотал чужбину.

Мария плачет, Марфа мастерит,
Заглазно Лазарь Фомку материт

И не познанья ради, а — приличья,
Туманные выслушивает притчи,

А тот, кто их туманно говорит,
Присутствует, но в воздухе сокрыт,

А за семью дорогами Фома
Свой опыт формулирует, глаголя:
Без времени пространство — это воля,
А время без пространства — есть тюрьма.

Трещит транзистор в мартовской ночи,
Как некогда огонь трещал в печи.

И каплет воск из-под горящих век. . .
Россия. Полудожь и полуснег.

1980

ТЕНЬ

Горела свеча, фитилек в тишине
Трещал, как листок сентября.
Казалась мне тень твоя на стене
Куда красивей тебя.
И тень почему-то была ясней
И подлиннее лица.
В ней не было этой игры теней,
Которая без конца
Меняет лицо твое: то лицедей,
То бражник ты, то аскет. . .
От декоративной свечи твоей
Тянулся прекрасный свет.
Мне тень не являла черт суеты,
И даже подумалось мне:
Сейчас обернусь и увижу, что ты
Красивей, чем тень на стене.

1966

Слыть отщепенкой в любимой стране, —
Видно, железное сердце во мне,

Видно, железное сердце мое
Вытерпит и не такое еще,
Только все чаще его колотье
В левое мне ударяет плечо.

Нет, это бабочка в красной пыли
Все еще бьется о сетку сачка. . .
Матерь, печали мои утоли!

Время уперлось в стенные часы,
Сузился мир до размера зрачка,
Лес — до ресницы, река — до слезы.

1982

Да и со мной бывает всяко,
Вдруг до безумья жить хочу,
Как дерево или собака,
Любому радуясь лучу

И ливню сладкому, и кости
Той, сахарной, какую люди
Воспитанные не грызут.
Так весело, что впору в гости,

Да что-то в гости не зовут,
А только рыжая собака,
Валяясь на тряпичной груди
Вильнула вежливо хвостом.
Кивнуло дерево листом
Новорожденным.

1982

Слой воздуха лежит меж платьем и плащом,
А мысль моя лежит между слоями пыли, —
Мы забываем тех, кого легко простили,
Но едко помним тех, кто нами не прощен.

И вновь мои шаги опасливо тихи,
Пузырится мой плащ, а платье липнет к телу,
Прощения просить я вновь не захотела, —
А вдруг безбольно мне отпустятся грехи?

1971

По-своему ль скажу я о природе, —
До этого мне просто дела нет.
Не я брожу, а лес все время бродит,
Как будто бы не я, а он поэт.

Да так и есть, и этого мне хватит!
Вот и береза, мимо проходя,
Меня лукаво по затылку гладит
И всей листвой смеется, как дитя.

А старый дуб пророчески бормочет,
Передвигаясь медленно, с трудом,
О кольцах-годах и о мраке ночи,
Когда уже опасен бурелом.

А юный клен слегка провинциален,
Он, подбежав к сородичам своим,
Доказывает, что он гениален,
И чем он от собратьев отличим.

О простота, о мудрость, о веселость!
Лес бродит, бредит, сочиняет лес,
И каждой ветки стихотворный голос
Касается отзывчивых небес.

1970

ВМЕСТО ПИСЬМА П.С.

Молчальник мой, в течение весны
Я зимние записывала сны:

Увидели б — руками развели,
Разинули б от удивленья рот, —
Все букочки в тетрадке расцвели, —
Так только куст иль дерево цветет.

И, разглядев цветение в окне,
Все ринулись к ликующей родне!

И мне бы им вослед возликовать,
Да страшно мне — пуста моя тетрадь.

1982

О эти бесконечные пассажи,
Взыванья к саду в утреннем цвету!
Не полно ль нам воссоздавать пейзажи,
В природе полагая немоту?

Она сама таинственно рифмует,
Она сама молитвенно поет
И к каменному городу ревнует
Любого, кто ее воссоздает.

1983

Г. К.

Грома-работяги гремели
И ливнями Химки мели.
Все пело — и мы, пустомели,
Сидели с тобой на мели.

Латали на осень ботинки,
На хлеб по карманам скребли,
Но завтрашней жизни картинки
Души омрачить не могли.

И дятлы в лесу тарахтели,
И белок баюкала ель, —
Все пело, и мы, пустомели,
Все глубже садились на мель.

Но разве тогда нам казалось,
Что мы не владеем рулем,
Что наше сознание качалось
Меж музыкою и рублем?

Летели стихи и недели,
И в Химках гудели суда, —
Все пело. А мы, пустомели,
Счастливыми были тогда.

1977

Ни бред, ни домысел —
Собрата доля беглая.
Бичом на промысел
Ушел на море Белое.

Где воды убыли,
А водоросли прибыли,
От русской удали
Рукой подать до гибели.

В морском крапивнике
Да и в медузье жгучести
Лишь камни-схимники
Иной не ищут участи.

1983

Грядущее не за горами,
А слева — в области грудной.
Все то, что говорю стихами,
То и случается со мной.

Приюта нет, и нет сознания,
Что и река — не западня.
И только чертово писанье
Не отступилось от меня.

Замкнуть бы рот и сжечь тетрадки,
Переломать карандаши,
Туда пуститься без оглядки,
Где нет ни тела, ни души.

К пустому месту прилепиться,
Как мотылек к фонарю. . .
Ну что ж, назавтра и случится
То, что сегодня говорю.

1976

Петляет Руза в полусне.
Петляй, петляй, меня пугая,
Что скоро горло сдавит мне
Твоя веревка голубая.

Живу под именем чужим
В пансионате. Смотрит с грустью
Вослед мне липа: я крутым
Холмом сворачиваю к устью.

Со мною движется толпа
Между стрелчатými овсами
И отдыхающих толпа
Под собственными именами.

Как в забытье на склоне дня
В Москву-реку впадает Руза.
И тут по имени меня
Внезапно окликает Муза.

Лишь мне слышна, лишь мне видна,
Незримая для посторонних
Ко мне приблизилась она
С двумя птенцами на ладонях:

„Не бойся! Берег есть иной,
Есть мост висячий над петлею
Меж небесами и землею.
Не бойся и ступай за мной”.

1983

Липы бешено цветут,
Мчится лето под откос.
Что за водоросли тут?
Видно, зелен этот пруд
От русалочьих волос.

А в русалочьей груди
Звонко тикает вода. . .
Ты меня не обойди
Предпоследняя беда!

А последнюю беду
Я сама не обойду.

1973

Увижу все, и даже как
Мой ангел смуглолицый
Продернет красно-черный мак
В потертую петлицу.

Окаменеет и цветок,
Растимый для дурману,
Когда нажав на локоток
Во гробе я привстану

Всего на миг, чтобы сказать,
Что гибель-божья благодать
И собственная воля,
Ой, маковое поле. . .

1982

День пылает над рощей рedeющей,
Все живое к реке накрeня,
А в груди моей уголь холодеющий,
Обжигающий только меня.

Мне ль перечить пространству огромному,
Не познавшему душу свою?
Мне ль чужой быть скоту подъяремному,
В чем сословье и я состою?

Много ль надо мне? Хлеба обдирного
Да воды, и забыть, что вода
Мне остатком потопа всемирного
Почему-то казалась всегда.

Много ль надо? Но знаю заранее,
Что сама я пойду на убой,
Что сама я пойду на заклятие
Водопойной наклонной тропой.

1983

НА ОПУШКЕ СНА

Вольфгангу Казаку

Из мелких облаков
На небе набран пояс —
Серебряно-прочна
Длина и прямизна.
Иль это на лету
Застыл гусиный поезд
Над устьем забытья
И над опушкой сна?

Тень на опушке сна
Продолжила ресницы,
Как чашечку цветка
Сосет мне ухо шмель,
Щекочет ноздри мне
Дыхание душицы, —
Какая у меня
Прекрасная постель!

Все мысли улеглись,
И только мысль о небе
Все тянется сквозь сон
К гусиному перу.
Кто пишет им теперь?
Что может быть нелепей?
Всю жизнь я проспала,
Проснусь, когда умру.

1983

Мы привыкли к тому,
Что живем в ожиданьи напасти
И к лефортовскому подготавливаемся фольклору.
Трудно верить уму
Да и сердцу в спокойное счастье —
В эти несколько дней, погруженных в июльскую
флору.

Видно высшая власть,
О которой забыла земная,
Подарила нам луг, и берез неубывные свечи,
И желанье припасть
К колокольчикам, благословляя
Просторечье реки и крутое, как купол, заречье.

Мир устойчив и прост
Под блаженным дыханием липок,
Под жасминовым облачным выдохом праведной
лени,

И трава-лисий хвост,
Умоляя не делать ошибок,
Лиловатую дымкой твои обнимает колени.

1983

Подождите дожди! Не спешите
Опускаться с набухших небес!
Вы успеете, вы оголите
До конца этот лиственный лес!

Придержите свои кнутовища!
В вашей сфере и в нашей среде,
В огородах, домах, на кладбищах —
Одинаково тесно везде.

Все пытается разъединиться:
Ваша влага и наша листва,
И набитая гулом столица,
И застрявшие в глотке слова. . .

1963

Зря таксист на клаксон нажимает.
Переходит дорогу алкаш,
На ходу он пиджак выжимает
И вставляет в карман карандаш.

И уже собирается зритель,
И грозит милицейский свисток:
В вырезвитель тебя, в вырезвитель,
Завтра бритым проснешься, браток!

А бедняга, в пиджак залезая,
Так восторженно смотрит вокруг,
Словно шел он по тропочке рая
И споткнулся на радостях вдруг.

О не тронь эту бедную душу —
В милицейку его не толкай!
. . .Мильтон выронен в майскую лужу,
В майской луже — „Потерянный рай”.

1983

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Мы наши перспективы
Рассматриваем вслух.
Летит Пегас ретивый
Во весь античный дух
По рытвинам эпохи
По щебню и огню
Сквозь западные брежи
И здешнюю брехню.
„Метрополь” — шайка-лейка. . .
Но знаем мы взახлеб, —
И я как ротозейка
И ты как губошлеп,
Что и в одной телеге
Нас вывезет Пегас,
Что высших привилегий
Лишить не смогут нас.
Поэты, но не бредим,
Безумцы, но не врем, —
Ушлют — мы не уедем,
Убьют — мы не умрем.

1979

Предчувствие теснит мне грудь,
И прилагая все усердье,
Ищу я жизненную суть
В обычных проявлениях смерти.

Застенчивые васильки
Теснятся в глиняном кувшине —
Вдали от поля, вопреки
Своей естественной кончине.

И не пройдя весь путь земной
От зарожденья до гниенья,
Благоухают в „овощной”
По сути мертвые растенья.

И от зерна свой путь пройдя
Весь — до последнего этапа,
В себе вмещает дух дождя
Твоя соломенная шляпа.

Так, перед тем, как в землю лечь,
Все суеверней, все завистней
О смерти затеваю речь,
А получается о жизни.

1976

Ну что это за дело,
Надув матрац, лежать
И собственное тело
Волне предоставлять?

А это ли толково,
Когда в тиши ночной
Ты омываешь слово
Ритмической волной?

В пакете сливки скисли,
Хлеб догрызает мышь,
И без единой мысли
Ты перышком скрипишь,

И все о том, как чудно
Качаться на волне,
А время, словно камень
Покоится на дне.

1976

Пенелопа-зануда,
Пускай рукодельница ткет,
Одиссея покуда
Сирена пускай зазовет.

Даже если — на гибель,
Все ж голос прельстительней рук.
Домотканная прибыль
В итоге — дубовый сундук.

А морской — необъятен,
Хоть мертвым — плыви да плыви, —
От досок нету вмятин,
Лишь в памяти — голос любви.

1983

Плывем на лодке парусной,
На взятой напрокат.
Ты молодой и яростный
И правишь наугад.
А я гляжу опасливо,
Но говорю шутя,
Что время не запасливо
И я его дитя.
Смеешься ты залиvisto
И черпаешь волну,
А под волною илисто
Как все, что не верну.

1976

И протягивала ладонь, —
Так искала ты слово приветя,
И бросала всю душу в огонь —
Так желала ты вольного света.

Так желала сверх всяческих сил,
Что и сил никаких не осталось,
Да и свет сам себя погасил
И само по себе все распалось.

1978

Не за тем я шла,
Чтоб тебя обидеть,
А за тем я шла,
Чтоб тебя увидеть.

Не затем жила,
Чтоб не знать о боли,
А затем жила,
Чтоб не знать неволи.

Не затем ушла,
Чтобы схоронили,
А затем ушла,
Чтобы не забыли.

1969

ВПЕРВЫЕ В КРЫМУ

Рифмы мои, простодушные будто дельфины,
Вы не сердитесь, что так затянула меж вами строку, —
Это длина моей скорби. Ни в чем не повинны,
Вы развлекайтесь на море, а я не могу.

Видимо, зря затевала поездку такую,
Думала — под кипарисами горе развею, но вот
Вместе с горами, и морем, и небом тоскую:
Где он, столетьями здесь обитавший народ?

Люди — не птицы, не летные переселенцы,
А выселенцы из отчего края. О где они, где,
Ласточкобровые сестры, их братья, младенцы,
Что отражались в соленой и пресной воде.

Здесь по-татарски лишь речка шумит без опаски,
Тени от крыш плоскодонных плывут по ступеням реки,
Камни на дне словно фески кофейной окраски,
Блики в волне словно ярких расцветок платки.

Здесь от изгнанников — только давить и вина
Давности полустолетней в глубоких как сон погребях.
Ластами, рифмы, не бейте по аквамарину, —
Скоро отплачусь и соль отскрипит на зубах.

Нет, не отплачусь! Но вас я друг к другу приближу,
Рифмы мои, недовольные длинной разлукой-строкой.
Может, на плоскую крышу взберусь и увижу
Тех, кого видит во сне виноградник сухой.

1983

ВМЕСТО ПИСЬМА

А знаешь ли, в течение весны
Я зимние записывала сны.

Увидел бы — руками бы развел,
Разинул бы от удивленья рот:
В моей тетрадке каждый слог расцвел,
Как только куст иль дерево цветет.

И увидав цветение в окне,
Все буквы ринулись к своей родне.

И мне бы им вослед возликовать,
Да страшно мне — пуста моя тетрадь.

1983

Я радуюсь, когда теряю вещи,
Я всякий раз самозабвенно верю,
Что это случай ждал меня зловещий,
Но откупилась от него потерей.

Счастливица, я потеряла за год
Три пенсии, две сумки и колечко —
В награду лето красное от ягод
И прямо в лес зеленое крылечко.

Так что же я в малинник уронила?
И почему я задаю вопросы?
Чего ищу полмесяца уныло
В кустарнике, где торжествуют осы?

Счастливица, каких на свете мало,
Чей сон бывал, словно малина, сладок,
Я благовестный голос потеряла
И гнезда слов и птичий их порядок.

1983

КОШКА

Где кошка твоя, гуляющая
Сама по себе,
Молочный туман лакающая
В густом сентябре?

Где поступь ее леопардовая
И фосфор во мгле,
Где кошка твоя и где правда твоя
На этой земле?

Где кошка, еще не отловленная,
Где крыша и течь?
Где скоростью звука надломленная
Охрипая речь?

Где осень твоя ясновидческая
И снов закрома?
Где кошка твоя фосфорическая
И где ты сама?

1983

ИГЛА ШИПОВНИКА

Два белых бражника, чьи крылья — тонкий шелк,
Садятся на шиповник. . .

Мне грустно, бражники, и не возьму я в толк:
А кто всему виновник?

И где тутовник мой? Давно бытую врозь
С тем деятельным садом,
Где подражала я, чтоб легче мне жилось,
Искусным шелкопрядам.

Прядильня пышная, но слишком жизнь груба
Для шелкового слова.
Иглу шиповника всучила мне судьба,
И нить моя сурова.

1983

ДОЧЕРИ

Казалось бы — и нечего сказать
Пред очевидностью такого факта,
Что я, твоя нелепейшая мать,
Скончалась то ли так, то ль от инфаркта.

— Не надо плакать! — Вот что я скажу:
Не я в гробу нарядная лежу
В платочке с розочками рококо,
А лишь пустая глина, но когда-то
Ее сосочек, до крови намятый,
Вливал в тебя скупое молоко.

Все мерки жизни и координаты
Смерть изменяет быстро и легко:
Теперь ты от меня настолько близко,
Насколько от тебя я далеко.

Теперь с пути мне сбиться нету риска,
Теперь в той самой я непустоте,
Какую жизнь считала пустотою.
Не та здесь масса, скорости не те,
И даже сон не тот, что, в простоте,
Жизнь относила к вечному покою.

Теперь отпала надобность в очках,
Отсюда вижу все твои веснушки —
Темней на скулах, золотей в зрачках,
И вся ты — свет от пят и до макушки.

Не надо плакать! Холмик на опушке
Кладбищенской не есть последний дом,
Где забываются последним сном, —

То наших встреч таинственных площадка,
И нежным незабудкам — благодать.

Загадка — жизнь, но смерть всегда разгадка.
О как мне эти слезы видеть сладко!
Поплачь еще, хоть я плохая мать
По всем параметрам миропорядка.

Нет, слуха твоего не оскорблю
Тем оправданьем, что с пути я сбилась, —
Все это ложь. Я так тебя люблю,
Как дочерям заласканным не снилось.

1983

СУДЬБЕ

Табаку лиши меня и крова,
Хочешь, накажи еще лютей,
Но, наказывая, пожалей:
Из того я племени смурного,
Я из тех, кто собственное слово
Любит больше собственных детей.

А оно, подкидыш мой небесный,
В детстве так болело тяжело!
Я его выхаживала в тесной
Комнате бумагой компрессной,
А его на улицу влекло.

И теперь оно меня не любит,
Никогда меня не приголубит, —
Слишком долго взаперти росло.
Я зову его, — оно не слышит,
Только чувствую — живет и дышит
Мне в глаза, словно туман в стекло.

Оттого-то на сетчатке пленка,
И почти не вижу ничего, —
Ни сентябрьской кисти мастерство,
Ни апрельской акварели тонкой. . .
Слово и болезненней ребенка
И благодарнее его.

1983

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

1

Снял шляпу цвета аметиста
Лопух пред куполом ольхи,
Семейство пижмы золотистой
Поет давидовы стихи.

Здесь и ромашка-богомолка
Стоит, губами шевеля,
На белом доннике ермолка
Из бархатистого шмеля.

Субботничает мятлик в тесной,
В Иван-да-Марьиной толпе.
Но где тот царь, что Песню Песней
Мне пел на этой же тропе?

2

Виденья августа — одонье,
Цветенье, умиранье, пух. . .
Весь Третий День — как на ладони,
И можно повторять мне вслух

Те поученья двух Заветов,
Которым следовать могу, —
Меня не высмеют за это
В разномолящемся кругу.

Ну что ж, и левую подставлю,
Хоть правая горит щека,
Но бьющего я не восславлю,
О нет, не возлюблю врага!

Случайной жертвой быть нелепо,
Но счастье жертвовать собой
Ради глаголящего хлеба
В окружности глухонемой.

3

Еще в цвету моя опушка,
Хоть август выдался сырой,
Но и в дождях есть перебой,
И сена мокрая подушка —
У солнышка под головой.

Кто знает, что со мной случится?
Но если выпадет темница,
Я выкрою такую ночь,
Чтоб за того мне помолиться,
Кто мог, да не хотел помочь.

1983

По правую руку — березы,
По левую руку — овес, —
И что мне дурные прогнозы
И датского принца вопрос.

Сегодня мне все в утешенье —
И речки осенняя цвель
И скользкой тропинки круженье
И чудом зажившийся шмель.

Дай в склянке тебя заспиртую,
Иначе всосет тебя грязь.
Бунтуешь? Я тоже бунтую,
Как видно, и я зажилась.

1983

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЯМОЙ УГОЛ

Гость	7
Кирпичная стена	8
„Я не знала прежде никогда”	9
„Гляжу вперед — и вижу все, что было”	10
„Над ореховой рамой”	11
„На излете лет”	12
„Там цвели вдоль моря олеандры”	13
„На Ленинградском я живу проспекте”	14
„Пронзены половецкими стрелами русские сны”	15
„Гудит, как шмель, электробритва”	16
„В эфире — глушилка, в квартире — бедлам”	17
„Как странно думать, что на главной площади”	18
Палач	19
„Мне говорил, что я пришла оттуда”	20
„Высмейте! Высмеивать меня”	21
Пылесос	22
„Что ни денек — то мотылек”	23
„Не чувствую давно, не мыслю, не рифмую”	24
„Зачем сегодня, в листопад”	25
„Ты прав. Я, возможно, поэт”	26
„Еще один голос из-за океана”	27
„Гений, дитяtko, глупышка”	28
„Да, такое времечко”	29
„Нищает дух не от того ли”	30
„И в дому тревожен дух мой нищий”	31
„Вот книга твоя предо мною лежит”	32
В минуту слабости	33
„Опять я слезы жалкие утерла”	34
Прощальная песня	35
„Окно венец кленовый носит”	36
„Что делать? — спросила у Жизни, — сказала: умри!”	37
„Простят мне Ваши птицы и котята”	38
„Легко летать, когда в крови крыло”	39
„Летало и пело. . .”	40
Божьи коровки	41
„Такая неделя! Как-будто нет внешнего мира”	42
„Столько дней мой мальчик жил”	43

„Еще не вечер, но уже не утро”	44
„Ночью — бессоница, днем — гололедица”	45
Дни	46
Квартирантка	47
„Я и смертью буду обездолена”	48
„Всем, кто нынче в пути, всем, кто завтра — в пути”	49
„Так печальны у нас обстоятельства”	50
„Видишь, сама я себе западня”	51

НА ОПУШКЕ СНА

Водолей	55
„Ангел мой! — иначе как назвать?”	56
„Две тучки на небе маются”	57
„Разлетелся дым”	58
„Возьми меня, Господи, вместо него”	59
„Транзистор. Самогон. Веретено”	60
Тень	62
„Слыть отщепенкой в любимой стране”	63
„Да и со мной бывает всяко”	64
„Слой воздуха лежит меж платьем и плащом”	65
„По-своему ль скажу я о природе”	66
Вместо письма П. С.	67
„О эти бесконечные пассажи”	68
„Грома-работяги гремели”	69
„Ни бред, ни домысел”	70
„Грядущее не за горами”	71
„Петляет Руза в полусне”	72
„Липы бешено цветут”	73
„Увижу все, и даже как”	74
„День пылает над рощей рedeющей”	75
На опушке сна.	76
„Мы привыкли к тому”	77
„Подождите дожди! Не спешите”	78
„Зря таксист на клаксон нажимает”	79
„Зарядили дожди, да и мы зарядили с тобою”	80
Оптимистический этюд.	81
„Предчувствие теснит мне грудь”	82
„Ну что это за дело”	83
„Пенелопа-зануда”	84
„Плывем на лодке парусной”	85

„И протягивала ладонь”	86
„Не за тем я шла”	87
Впервые в Крыму	88
Вместо письма.	89
„Я радуюсь, когда теряю вещи”	90
Кошка	91
Игла шиповника	92
Дочери	93
Судьбе	95
День третий.	96
„По правую руку — березы”	98

**Отпечатано
в типографии
Mitchell-Shear, Inc., Ann Arbor, Michigan
в ноябре 1984 г.**

„Из того, что я читал в последние годы, особенно в „Континенте”, стихи Лиснянской произвели на меня особое впечатление. Русский поэт, да и вообще поэт — всегда продукт того, что написано до него, он начинает, отталкиваясь, или, наоборот, по принципу эха. Единственное эхо, которое я отчетливо различаю в стихах Лиснянской, — эхо ахматовское и слава Богу. Она совершенно замечательный лирик, особенно в коротких стихах — это стихи чрезвычайной интенсивности. Из всех русских поэтов, которых я знаю на сегодняшний день, Лиснянская, может быть, точнее, чем кто иной, пишет о смерти, — это действительно самое прямое отношение с „предметом”, о котором она говорит. А это ведь одна из самых главных тем в литературе. . .”

*Иосиф Бродский
„Русская мысль”, 3 февраля 1983 г.*